

В ОДНОМ из театров города на заседании художественного совета неожиданно возник вопрос о работе актера. Способного, опытного, но несколько утратившего форму, переставшего работать по-настоящему творчески. Узнав, о чем пойдет речь, один из членов совета, коммунист, авторитетный товарищ, сразу заторопился. Когда стали убеждать остаться, признался: как-то на днях актер этот попросил его высказать свое мнение о последних работах; он очень его хвалил и теперь, на заседании художественного совета, будет чувствовать себя неловко. Повторять то, что говорил раньше, — неправильно, говорить иначе — стыдно.

В подобных обстоятельствах людям указывают на беспринципность. Это и было сделано на худсовете. Только довольно мягко: сложное, мол, положение — уж очень нелегко говорить неприятные вещи человеку, с которым через час-полтора надо вместе играть.

ЭПИЗОД с заседанием художественного совета вспомнился мне на последнем отчетно-выборном собрании в театре оперы и балета им. Луначарского. Не потому, что возникли прямые аналогии, — собрание шло остро и интересно, — просто отчет партбюро, сам ход прений подчеркивали, как сложна партийная, воспитательная работа в большом творческом коллективе, какой принципиальной, последовательной линии требует она от коммунистов, от организации в целом.

Начать хотя бы с общих оценок работы коллектива. Театру совсем недавно присвоено звание академического. Большая честь! Заслуженная! Известны заслуги театра в создании нового репертуара, в постановке произведений, нигде до того не идущих. Труппа постоянно пополняется молодыми силами, талантливыми, интересными. Лицо свердловской оперы определяют такие объемные, художественно зрелые спектакли, как «Хованщина», «Оптимистическая трагедия», «Спартак».

Говорилось на собрании и о другом. Пять спектаклей поставил театр оперы и балета в прошлом сезоне. Три из них не оправдали надежд художественного совета: вскоре вышли из репертуара «Варина любовь», «Фландрия», «Золушка». Приходится и тут делать сноску на издержки творческого поиска. «Варина любовь» — совершенно новая советская опера, «Фландрия» не ставилась на советской сцене. И все-таки очень правильно акцентировало партийное собрание внимание на этих досадных просчетах: поиски нового не могут носить характер самоцели.

К чести партийной организации оперного театра: она не только на собраниях ставит серьезные вопросы творческой жизни коллектива, но и решает их в своей повседневной деятельности. Трудно назвать спектакль, вопросы работы над которым не обсуждались бы на партийном бюро. Однако секретарь бюро И. А. Серебряков вынужден был отметить: занимаясь вопросами подготовки новых спектаклей, тонущего репертуара, общественные организации театра, да и художественный совет почти не обращаются к анализу творчества отдельных актеров, режиссеров, художников; так называемые творческие отчеты в театре по существу не практикуются. И бюро не проявляет в этом отношении должной инициативы.

Такой недостаток присущ не только оперному театру, но и другим коллективам города. Мне приходилось не раз бывать на обсуждениях спектаклей в Свердловском театре драмы. Как правило, это были деловые, интересные обсуждения, исполнителям делались совершенно конкретные замечания, давались практические советы. Но одно дело — разговор о работе режиссера или актера в одном каком-то спектакле, вместе со всеми, другое дело — о нем и только о нем, о тенденциях, перспективах его творчества, о развитии его индивидуальности, его личности.

Я говорю здесь о творческих отчетах как об одной из форм воспитания актера, которую партийная организация призвана культивировать и через профсоюз, комсомол, и через художественный совет. Она, эта форма, может стать средством прямого и

честного товарищеского общения, которое, как я говорил вначале, не всегда достигается в закулисных беседах, один на один. Собственно, партийное бюро могло бы само показать хороший пример, послушав для начала творческий отчет актера-коммуниста, принципиально и требовательно обсудив его работы, его роль в жизни труппы. Так ведь не практикуется это ни в оперном, ни в драматическом, ни в других наших театрах.

В драматическом театре намеревались одно время широко обсудить в коллективе вопрос о работе творческой молодежи, подробно разобраться если уж не с каждым молодым актером в отдельности, так по крайней мере с группой товарищей. Обсуждение это было подсказано самой жизнью: в театр пришло много молодых актеров, интересно проявивших себя в первых же работах, обнаружилась вместе с тем и некоторые тревожные тенденции, выявилась разное отношение людей к делу, к театру в целом. Готовились к обсуждению, выделили рецензентов-критиков, наметили на худсовете основные вопросы. А широкий разговор так и не состоялся. Текущие дела помешали. И партийное бюро свою роль «катализатора» тут не выполнило.

СЕКРЕТАРЬ парторганизации драмтеатра Н. Л. Комм сетовал как-то:

— Делаем не так уж мало — живем каждым спектаклем. А что-то очень существенное упускаем. Вот появилась в «Совет-

ТВОРЧЕСТВО—ЭТО СТРОГОСТЬ!

О некоторых сторонах партийной работы в театрах

ской культуре» интересная статья Захавы, народного артиста РСФСР, доктора искусствоведения, — «Об этике артиста». Нам бы ее обсудить. А тут репетиции напалзуют одна на другую. Не получилось.

Думаю, Н. Л. Комм не случайно вспомнил статью Б. Захавы. В ней поднимались серьезные вопросы театральной этики, заслуживающие, разумеется, не одного только обсуждения, но и кропотливой, повседневной воспитательной работы парторганизации.

Есть, между прочим, в статье крупного мастера и ученого такая мысль: театральная среда — отличная почва, на которой одновременно произрастают и прекрасные цветы, и отвратительные сорняки.

Да, в отличие от художника или писателя актер создает художественный образ средствами собственного перевоплощения, силой своего голоса, движений, своих мыслей и нервов. Это обогащает его, когда актер глубоко понимает высокое общественное назначение своего нелегкого труда, когда он, по выражению Станиславского, «любит искусство в себе больше, чем себя в искусстве». И наоборот — обедняет, опускает до уровня обывателя, когда фортиссимо, перекрывая все другие мотивы, начинают «звучать» в актере любовь к себе, любовь к себе, эксплуатация своих внешних данных, технических возможностей, упоение своей популярностью.

В течение довольно длительного времени жизнь коллектива Свердловского драматического театра будоражило непристойное поведение артиста Г. Шевченко. Шевченко пил, дебоширил, не единожды подводил театр. И все-таки на крайние меры руководство не шло: слишком важное место занимал артист в сложившемся репертуаре. Человеку отнюдь не глупому, ему бы с благодарностью отнестись к долготерпению дирекции. А Шевченко сделал выводы совершенно иные: все можно, все позволено. Дело кончилось тем, что партийное бюро, общественные организации театра со всей категоричностью поставили вопрос об его увольнении. Пришлось распрощаться с опытным, способным артистом.

Или другой пример. Его привели на отчетно-выборном собрании в театре оперы и балета. По числу административных взысканий среди цехов и служб театра лидирует, причем лидирует с большим превышением «очков», цех солистов и балет. Из сорока

пяти выговоров и предупреждений, объявленных в прошлом году дирекцией, двадцать пять падает на их долю. Причем несут этот «тяжелый груз»... девять человек. Внушительная статистика! И что больше всего при этом смущает — в выступлении одного из коммунистов на собрании вновь звучит такая мысль: конечно, артист С. — недисциплинированный, невыдержанный, трудный человек, но послушайте, как он поет...

Этическая сторона вопроса неотделима от профессиональной, эстетической. Без строгой творческой атмосферы в коллективе невозможно создание полноценных спектаклей, формирование актера высокого гражданского склада. Речь, разумеется, идет при этом не только о явных нарушениях дисциплины, но и о вещах более широкого плана — ответственности за дело, за свой театр, о любви к нему.

В Свердловске немало актеров, пользующихся не только творческой, но и гражданской популярностью. На много лет связали они свою судьбу с жизнью большого нашего города. К сожалению, число таких актеров растет ныне значительно медленнее, чем идет пополнение театральных коллективов. Порой, люди занимают, именно занимают, в театр, а не входят, не врастают в него, не живут его интересами, его будущим. Посмотрите хотя бы на афишу театра музыкальной комедии. Десятки новых имен промелькнули на них за последние несколько лет. А много ли вошло в творческое ядро театра? Два-три имени.

Мы беседуем обо всем этом с секретарем партийного бюро театра музыкальной комедии П. И. Горбуновым. «В театре для молодых актеров создаются условия, мы во всем идем им навстречу», — поясняет П. И. Горбунов. Это верно, как верно и

то, что текучесть актерских кадров имеет отнюдь не только местные причины. Но нельзя сбрасывать со счетов того, что и здесь — секретарь партбюро не отрицает это — партийная организация не выдвигает на обсуждение коллектива коренные этические проблемы, не формирует по-настоящему вокруг них общественное мнение.

Очень важным фактором является настроение коллектива, принципиальная оценка им того или иного явления. Многие помнят: несколько раз приезжал в Свердловск и уезжал из Свердловска артист музыкальной комедии Генин. Искал, где лучше. Выторговывал, — я не боюсь употребить этот вульгарный даже для коммерции термин, — выторговывал условия. И ему до поры шли на встречу. Почему? Снова — интересы репертуара. А моральный урон, который несет коллектив, имея такой прецедент?

ВСЬ, о чем говорилось здесь, — это какие-то штрихи партийной работы, связанные с воспитанием актера, созданием цельного и устойчивого творческого коллектива. Не будем преувеличивать при этом роль массовых мероприятий, хотя и мероприятия можно проводить по-разному. Бывало, в далекие уже времена коллектив драмтеатра выезжал, например, на полянку, и там велся разговор «за жизнь». Да и уютный старый самовар можно бы перенести из реквизиторской за стол деловых встреч. Но, повторяю, дело не только в массовых мероприятиях. Партийная организация театра может и должна использовать в своей работе и личное влияние коммунистов, беспартийных — просто людей авторитетных, уважаемых.

Конечно же, сплоченный актерский коллектив можно создать только на основе высоких творческих устремлений, идущих во многом от художественного руководства. Это несомненно. Но не слишком ли часто ждут у нас в театрах «нового слова», нового «творческого этапа», откладывали на лучшие времена многое из того, что можно и нужно делать в коллективе сегодня. А жизнь идет своим чередом. Ставятся спектакли, играют роли. И складываются в ходе текущей этой работы определенные отношения — отношения актера и театра, требующие от партийных организаций, от коммунистов большой принципиальности, тонкого ума и высокого такта.

Р. БУХАРЦЕВ.

Воспитания Свердловска
Г. Свердловск

13 ЯНВ 1967